

УДК 316.728(477)

ОКСАНА ДАНИЛЕНКО,

доктор социологических наук, профессор
кафедры политической социологии Харь-
ковского национального университета им.
В.Н.Каразина, Харьков

Интерпретация идей А.Шюца при исследовании ситуации возвращающегося домой солдата в современной Украине

Аннотация

В статье раскрываются особенности изучения ситуации возвращающегося домой солдата в современной Украине. Предметом исследовательской рефлексии является проведение и интерпретация интервью с солдатами, вернувшимися после демобилизации из зоны АТО. Исследование осуществляется на пересечении, с одной стороны, социологии повседневности и социологии конфликта, а с другой стороны, биографического метода и авторского лингвоконфликтологического метода (выявление потенциальной конфликтности и различных образов конфликта через текст, дискурс). В центре внимания автора — работа А.Шюца “Возвращающийся домой” и два контрастных кейса, реконструируемых исследовательницей на основе полученного эмпирического материала — интервью с солдатами, вернувшимися домой. Раскрываются основные направления переосмысления идей социологии повседневности А.Шюца с учетом, во-первых, характеристик современного общества, связанных с влиянием информационных технологий и развития средств коммуникации на повседневные практики; во-вторых, украинского контекста и наличия различных образов длящегося конфликта на Востоке Украины; в-третьих, развития качественных методов социологии, в частности реализуемого автором синтеза различных тактик качественного исследования с наработками в области социологии конфликта.

Ключевые слова: “возвращающийся домой”, качественные методы социологического исследования, система релевантности, повседневность, дом

ОКСАНА ДАНИЛЕНКО,

доктор соціологічних наук, професор кафедри політичної соціології Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна, Харків

Інтерпретація ідей А.Шюца при дослідженні ситуації солдата, який повертається додому, в сучасній Україні

Анотація

У статті розкриваються особливості вивчення ситуації солдата, який повертається додому, в сучасній Україні. Предметом дослідницької рефлексії є проведення та інтерпретація інтерв'ю із солдатами, які повернулися після демобілізації із зони АТО. Дослідження здійснюється на перетині, з одного боку, соціології повсякденності й соціології конфлікту, а з іншого боку, біографічного методу й авторського лінгвоконфліктологічного методу (виявлення потенційної конфліктності й різних образів конфлікту через текст, дискурс). У центрі уваги автора — праця А.Шюца “Той, що повертається додому” та два контрастні кейси, реконструйовувані дослідницею на підставі отриманого емпіричного матеріалу — інтерв'ю із солдатами, які повернулися додому. Розкриваються основні напрями переосмислення ідей соціології повсякденності А.Шюца з урахуванням, по-перше, характеристик сучасного суспільства, пов'язаних із впливом інформаційних технологій та розвитку сучасних засобів комунікації на повсякденні практики; по-друге, українського контексту й наявності різних образів конфлікту, що триває на Сході України; по-третє, розвитку якісних методів соціологічного дослідження, зокрема здійсненого авторкою синтезу різних тактик якісного дослідження з напрацюваннями у царині соціології конфлікту.

Ключові слова: “той, що повертається додому”, якісні методи соціологічного дослідження, система релевантності, повсякденність, дім

OKSANA DANYLENKO,

*doctor of sciences in sociology, professor of the
Department of Political Sociology, V.N.Karazin
Kharkiv National University, Kharkiv*

Interpretation of A.Schütz's ideas within research of the situation of homecoming soldier in modern Ukraine

Abstract

The article is devoted to revealing peculiarities of studying the problem of homecoming soldier in modern Ukraine. The subject of the research reflection is conducting and interpretation of interviews with soldiers who returned after demobilization from the ATO zone. The research is carried out at the intersection of the sociology of everyday life and the sociology of conflict at the level of theory, on the one hand, and at the intersection of the biographical method and the author's linguo-conflictological method (the identification of potential conflict and various images of conflict through text, discourse) at the level of methods of qualitative sociological research, on the other hand. In the center of author's attention is A.Schütz's work "The Homecomer" and two contrast cases, which are reconstructed on the basis of the received empirical material — interviews with soldiers returning home. The main directions of the rethinking of the ideas of A.Schütz's everyday life sociology are revealed, firstly, on the ground of characteristics of modern society connected with the influence of information technologies and development of means of communication on everyday practices; secondly, on the ground of the Ukrainian context, mainly the presence of various images of the current conflict; thirdly, on the ground of developments in the sphere of qualitative methods in sociology, which enable synthesis of various tactics of qualitative research with developments in the field of conflict sociology.

Keywords: *homecomer, methods of qualitative sociological research, system of relevance, everyday life, home*

Проблема “возвращающегося домой” рассматривается А.Шюцем в работе “Возвращающийся домой” (The Homecomer) [Schuetz, 1945], где он не только анализирует ситуацию солдата, возвращающегося домой, но и даёт

развернутые характеристики того, что означает “дом”, и почему “возвращающийся домой” порой чувствует себя чужим и испытывает шок, подобный шоку Одиссея.

Целесообразно рассматривать работу А.Шюца “Возвращающийся домой” в единстве с его работой “Чужой: социально-психологический очерк” [Schuetz, 1944]. Оба текста были впервые опубликованы на английском языке в США, куда А.Шюц эмигрировал из Австрии, спасаясь от национал-социализма. Позже эти две работы были переведены на родной для А.Шюца немецкий язык (см., напр.: [Schütz, 1972]). В начале XXI века эти научные очерки были опубликованы на русском языке (см., напр.: [Шюц, 2003; Шюц, 2004]), причем перевод понятия “дом” и других ключевых понятий данного дискурса мог бы стать отдельной темой обсуждения, как и влияние сокращений текста на восприятие общего контекста работы. Но здесь предлагается сконцентрировать внимание на другом — на развитии изложенных в этих работах идей А.Шюца при реализации качественных социологических исследований проблемы дома в современной Украине. Что именно привлекает в его трудах и несет в себе эвристический потенциал? Что нуждается в переосмыслении и почему? Как осуществить адаптацию идей А.Шюца к реалиям XXI века и к специфике исследования случая солдата в современной Украине? Эти вопросы представляются дискуссионными, поэтому предлагается поместить их в центр внимания данной статьи.

Цель статьи — выявить и раскрыть основные направления переосмысления идей о “возвращающемся домой” А.Шюца с учетом современных тенденций развития общества и специфики применения качественных методов социологии.

Следует отметить, что сравнение текстов А.Шюца “Возвращающийся домой” и “Чужой: социально-психологический очерк” с его биографией показывает, что обе работы биографически детерминированы и несут отпечаток личного опыта. В них отобразился и опыт мигранта, и опыт А.Шюца как солдата в период Первой мировой войны, и опыт его взаимодействия с солдатами, которые возвращались домой в конце Второй мировой войны в США — обе работы *релевантны* для А.Шюца и связаны с его *биографической ситуацией*. И именно через эти и некоторые другие ключевые термины социологии повседневности он пытается найти ключ к социологическому осмыслению комплекса проблем “чужой — возвращающийся домой”: релевантность, совпадение систем релевантности, биографически детерминированная ситуация, *осаждающийся* опыт, запас наличного знания, непроблематичность, опривыченность. Такой вариант осмысления дает глубину проникновения в предмет исследования и возможность учитывать специфику повседневного жизненного мира (“alltägliche Lebenswelt”) и его трансформаций в процессе получения нового, порой экстремального опыта. По мнению А.Шюца, это и является одним из основных факторов, обуславливающих шок “возвращающегося домой” и проблематичность понимания, что связано прежде всего с несовпадением систем релевантности.

Работы А.Шюца содержат целый ряд идей, актуальность которых для современного украинского общества трудно переоценить: они позволяют анализировать в контексте социологии повседневности и проблемы вынужденных переселенцев в Украине, и проблемы трудовых мигрантов, и, конеч-

но же, проблемы адаптации солдат и офицеров украинской армии, возвращающихся сегодня из зоны АТО.

Ценным в социологическом наследии А.Шюца является то, что он пытается концептуализировать понятие “дом” в русле социологии повседневности, подчеркивая многообразие субъективных смыслов и прочтений, обращаясь при этом к поиску интересубъективности, прежде всего, через рассмотрение символического значения дома. Отмечая, что “символическая характеристика понятия “дом” эмоционально окрашена и трудна для описания...”, поскольку “дом означает разное для разных людей”, А.Шюц всё-таки указывает, что дом — “это особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, которые нам дороги” [Шюц, 2004: с. 551], и это можно считать рабочим определением дома со стороны А.Шюца в русле социологии повседневности.

В данной статье предлагается сконцентрировать внимание на применении основных положений социологии повседневности А.Шюца в исследовании жизненного мира солдата в современной Украине. С 2015 года я занимаюсь разработкой и применением методологии и методов исследования этой проблемы на стыке социологии конфликта и социологии повседневности, выявляя сложности и возможности применения качественных методов социологии в исследовании проблемы дома и “возвращающегося домой”, а с 2016 года провожу интервью с солдатами, вернувшимися домой из зоны АТО, сочетая биографический и лингвоконфликтологический методы (о методологии исследования можно прочесть в статье [Даниленко, 2015]), а также применяя тактики истории жизни и истории семьи. В ходе этого исследования был выявлен ряд сложностей социологического измерения проблемы и необходимость дальнейшей интерпретации и развития ключевых положений социологии повседневности А.Шюца с учетом специфики исследуемой ситуации. В настоящий момент в центре внимания оказались два интервью, рассматриваемые как два контрастных случая, или кейса: *первый случай*¹ — ситуация солдата, который вернулся домой и чувствует, что он здесь может быть полезен и нужен, который адаптировался и обустроивает свой дом, который вернулся к своей мирной профессии; *второй случай*² — ситуация солдата, который “так и не вернулся” и после демобилизации чувствовал себя, как будто он лишь ненадолго в отпуске и должен снова вернуться на войну, поскольку он там нужней (а потому вскоре после интервью он снова пошел служить в зоне АТО, теперь уже по контракту).

Через реконструкцию этих двух кейсов, конечно же, не предполагается представить все многообразие жизненных миров солдат в Украине, принимающих участие в АТО, и вообще все случаи возвращающихся домой солдат в современной Украине. Реконструкция данных случаев призвана показать уникальность жизненных ситуаций, одновременно сходных и контрастных и выбранных в качестве контрастных по критерию, вернулся домой солдат окончательно или так и не вернулся, и это поможет нам лучше

---

1 Далее фрагменты, относящиеся к случаю 1, будут обозначаться также как первое интервью, или интервью 1.

2 Далее фрагменты, относящиеся к случаю 2, будут обозначаться также как второе интервью, или интервью 2.

понять случаи такого рода “возвращения” или “невозвращения”. Для понимания глубинных причин “возвращения” или “невозвращения” имеет значение также сходство данных случаев: оба вернувшихся солдата имеют высшее техническое образование (при этом в годы учебы они не проходили обучения на военной кафедре и поэтому ушли служить солдатами, а не офицерами), оба в момент мобилизации жили в Харькове, имели работу и стабильный доход, а также собственное жилье, оба ушли воевать добровольцами, оба были активными участниками Евромайдана. Понятно, что при наличии других образовательных и мотивационных характеристик жизненные миры и случаи возвращения могут выглядеть по-другому, но такие случаи требуют отдельного описания. Здесь же, исходя из целей исследования (выявления особенностей адаптации и “возвращения домой”), выбраны именно эти два случая, не претендующие на охват всех возможных типов. Кроме того, подробное описание специфики биографической ситуации этих солдат и ее влияния на “возвращение домой” или “невозвращение домой” — тема отдельной статьи. Основная же цель данной статьи — рассмотреть, как в этих двух интервью “сработали” или “не сработали” идеи А.Шюца при осуществлении социологического исследования.

Идеи А.Шюца имеют значительный эвристический потенциал для исследования случая солдата, вернувшегося домой, однако целый ряд моментов нуждаются в переосмыслении. Анализ исследовательского процесса и полученных эмпирических данных позволил выделить следующие основные направления интерпретации ключевых положений А.Шюца применительно к современным условиям развития общества и к специфике ситуации в Украине.

Прежде всего необходимо переосмысление идей А.Шюца с учетом развития современных информационных технологий и средств коммуникации. Это связано с тем, что работа “Возвращающийся домой” была написана более полувека назад, когда не было современных возможностей коммуникации с теми, кто остался дома. Это связанные с современными информационными технологиями и развитием средств коммуникации возможности, которые позволяют сократить разрыв в общении при расставании на длительное время и могут способствовать тому, что сохраняются общие темы и нет резкого скачка в отслеживании изменений в системе релевантности. Об этом свидетельствует анализ текстов интервью с солдатами и членами их семей в двух контрастных вариантах, по каждому из которых предлагаю рассмотреть пример. Первый пример демонстрирует, как сохраняется связь с домом и совпадение систем релевантности за счет возможности обсуждения и совместного решения общих проблем, связанных с домом. И хотя в условиях военных действий варианты использования современных средств коммуникации в повседневной жизни ограничены, все-таки, как показывают интервью, возможностей общения с близкими гораздо больше, чем это было в середине XX века, когда основным средством общения на расстоянии были письма, и чувство “здесь-и-сейчас” терялось из-за рассогласования во времени, рассинхронизации, поскольку доставка писем требовала значительного времени. Второй пример показывает, что современные средства коммуникации позволяют сохранять единство системы релевантности с теми солдатами, которые остались в зоне АТО: когда солдат после демобилизации чувствует себя не как окончательно вернувшийся домой, а как

вернувшийся в отпуск, он поддерживает связь с теми, кто остался в зоне АТО, следит за событиями там и в конце концов снова возвращается в армию — служить по контракту.

Впрочем, как показывает анализ текстов интервью, не это является определяющим фактором: доминирующее влияние оказывает биографическая ситуация солдата и тот опыт, в первую очередь экстремальный, который был пережит им во время службы в зоне АТО. Но все-таки необходимо учитывать влияние и фактора развития средств коммуникации. Даже если он не является доминирующим, при наличии других факторов он срабатывает на их усиление или смягчение за счет сохранения контакта с членами семьи и поддержки совместной релевантной темы (так, например, в первом случае одной из таких тем была помощь брата в обустройстве дома, в который планировал вернуться, а затем вернулся солдат).

Еще одно важное направление переосмысления идей А.Шюца связано с необходимостью учитывать специфику ситуации солдата, возвращающегося домой в современной Украине, обусловленную наличием конфликта интерпретаций по поводу текущих событий.

Следует отметить, что специфический случай солдата в современной Украине (когда ситуация связана с различными образами конфликта, различными интерпретациями событий со стороны населения на родине солдата), конечно же, не отображен в работе А.Шюца. (Хотя известно, что не только украинский конфликт имеет различные образы конфликта; в мировой практике можно найти и другие примеры, связанные с военными действиями, получающими различные интерпретации.) Поэтому случай украинского солдата нуждается в концептуализации и осмыслении с учетом особенностей данной ситуации.

Одна из специфических характеристик случая украинского солдата заключается в следующем. Военные действия в зоне АТО связаны с конфликтом на востоке Украины (а также с конфликтом между Украиной и Россией, что взаимосвязано), а эти конфликты имеют различные варианты интерпретации жителями Украины. В связи с этим есть различия и в отношении к участию в военных действиях. И это следует учитывать при анализе жизненного мира солдата, возвращающегося домой, поскольку, вернувшись, он может столкнуться с отображением этих различных образов конфликта в повседневных ситуациях. Это может влиять на адаптацию солдата, возвращающегося домой. Но все-таки и по отношению к этой ситуации следует отметить, что ключевым фактором, влияющим на адаптацию, выступает пережитый экстремальный опыт в АТО. Влияние пережитого экстремального опыта учитывается в работе А.Шюца, он рассматривает, как это влияет на изменение системы релевантностей, обуславливающее сложности адаптации по возвращении домой: различный запас наличного знания влияет на различия в рамках интерпретаций текущих событий. И здесь уместно упомянуть одну важную идею А.Шюца, касающуюся роли дома в биографически детерминированной ситуации. Как показал анализ представленных двух случаев, наличие конфликта интерпретаций практически не влияет на адаптацию возвращающихся, но следует понимать, что в контексте определенных биографических ситуаций этот конфликт может выходить на первый план.

Возможность исследования обозначенных проблем, связанных с конфликтом интерпретаций и различными образами конфликта, реализуется на уровне методологии через синтез социологии повседневности и социологии конфликта, а на уровне методов исследования — через синтез биографического метода [Rosenthal, 2005; Рождественская, 2012] и авторского лингвоконфликтологического метода [Даниленко, 2007; 2013; 2014], который учитывает различие образов конфликтов, формируемых в области пересечения различных дискурсов (о значении образов конфликта при осуществлении лингвоконфликтологической экспертизы см., напр.: [Даниленко, 2014], о процедуре интервью, в котором сочетаются биографический и лингвоконфликтологический метод, см.: [Даниленко, 2013; 2015]).

Следует обратить особое внимание на специфику социологического подхода при осуществлении качественных социологических исследований, в том числе формулировки вопросов. Как узнать, что означает “дом”? Как выявить различные образы конфликта? Как выйти на обсуждение конфликтов, с которыми сталкивается солдат, вернувшийся домой? Рассмотрим это подробнее, с обращением к иллюстративным фрагментам из текстов интервью. Для этого необходимо обозначить ключевые моменты исследовательской методики.

При проведении интервью с солдатами, вернувшимися домой, процедура интервью представляет собой следующее. Первая часть интервью — это биографическое интервью (в варианте, который предлагает Г.Розенталь, нарративно-биографическое [Rosenthal, 2005]), предполагающее минимальное вмешательство интервьюера и включающее фазу уточняющих вопросов по биографическому нарративу, полученному в результате ответа на вопрос: “Расскажите о своей жизни...”. Однако это осуществляется только после того, как интервьюируемый рассказал историю своей жизни без вмешательства интервьюера, а в фазе дополнительных вопросов используются формулировки, полученные в биографическом нарративе, чтобы минимизировать влияние на интервьюируемого [Rosenthal, 2005: S. 161–198; Рождественская, 2012: с. 142–164]. Вторая часть — глубинное проблемно-ориентированное интервью, в том числе с применением лингвоконфликтологических индикаторов, позволяющих выйти на отображение различных образов конфликта, связанных с различными дискурсами. При проведении глубинных проблемно-ориентированных интервью я следовала логике работы А.Шюца “Возвращающийся домой”, и вопрос о доме был сформулирован следующим образом: “Что означает для Вас “дом”?”. Полученные ответы были интересны и многогранны.

Рассмотрим фрагменты из двух интервью. Первое интервью: “В детстве это было, конечно, папа, мама — это дом. Где папа, мама — там и дом... Сейчас... место, где мне комфортно даже находиться. Да, вот так вот. Потому что в целом я домосед, люблю просто сидеть дома, ничего не делать. Вообще ничего не делать (смеется). Поэтому вот, мне должно быть комфортно... Здесь я выстроил себе комфортный мирок, мне моя реализация нравится, поэтому это — место, где комфортно находиться одному” (интервью 1, мужчина, 1985 г.р., служба в зоне АТО с августа 2014 по август 2015, служил артилле-

ристом-наводчиком установки ГРАД, интервью было проведено в октябре 2016)¹.

Следующий фрагмент — из второго интервью: “Дом?... Ну, это... место, где всегда спокойно, где можно (пауза), не знаю, как это охарактеризовать... расслабиться, отдохнуть, где можно забыть о том, что происходит вовне... Вот. И сконцентрироваться где-то на каких-то там своих вещах, на домашних вопросах... Ну, в общем, замкнуться в каком-то там узком пространстве, исключая все вопросы, все проблемы извне. Вот. Там, где комфортно, уютно, тепло. Ну как-то так...” (интервью 2, мужчина 1979 г.р., служба в зоне АТО с января 2015 г. по апрель 2016 г., служил снайпером-разведчиком, интервью было проведено в октябре 2016 года)².

Как видно из данных фрагментов, оба вернувшихся солдата отмечают важность комфорта и подчеркивают значимость возможности уединенности (*“комфортно находиться одному”, “замкнуться в узком пространстве, исключая все проблемы извне”*). Одновременно привлекает внимание то, что при такой постановке вопроса ответы не содержали развернутого нарратива о доме, связанного с характеристиками повседневных вещей в доме, хотя и передавали внутренние ощущения.

При обсуждении результатов во время участия в исследовательской мастерской Г.Розенталь в Центре качественных социологических исследований университета Геттингена имени Георга-Августа (Германия) я получила рекомендации формулировать вопросы о доме следующим образом: *“О чем Вы думали, когда вспоминали о доме во время Вашей службы в армии? Что Вы представляли, вспоминая о доме?”* Эти формулировки являются существенным дополнением для получения более нарративных ответов, и представляется целесообразным использовать их в дальнейшем при исследовании проблемы дома.

Кроме того, для наполнения образа дома измерением особенностей вещного мира имеет смысл также спрашивать о любимых вещах в доме, о которых вспоминал солдат. Методические находки, связанные с исследованием мира вещей, можно найти в работе немецкой исследовательницы А.Бош *“Потребление и исключение: социология культуры вещей”* [Bosch, 2010], где излагаются методология и результаты исследования, проведенного в

---

¹ Как уже отмечалось, в данной статье не приводятся подробные характеристики каждого из кейсов. Это является темой отдельной статьи. Здесь же внимание сосредоточено на проблемах измерения. Следует также отметить, что здесь приведен фрагмент интервью, которое было проведено в ходе первого этапа (включающего все описанные в данной статье элементы и блоки вопросов). Вторая встреча для интервью состоялась в январе 2017 года и была связана с уточнением данных о родителях, бабушках и дедушках, построением “семейного дерева”, с прояснением некоторых бытовых деталей организации повседневной жизни в армии, а также с использованием метода фотографии применительно к проблеме дома и возвращения домой. Кроме того, в дальнейшем было проведено интервью с братом вернувшегося домой солдата, и это дало возможность получить очень важный материал для реконструкции случая возвращения домой. Но это также отдельное направление для дальнейшей интерпретации.

² При попытке договориться о проведении второго этапа интервью в январе 2017 года с целью уточнения вопросов, появившихся в ходе интерпретации полученного материала, интервьюируемый сообщил, что он снова служит в зоне АТО, и когда получится встретиться в следующий раз, он сказать не может.

Германии. И хотя это исследование никак не связано с изучением вернувшихся домой солдат, методика реализации измерения может быть адаптирована к исследованию жизненного мира солдата, поскольку через рассказы о любимых вещах А.Бош выходит на маркеры идентичностей, в частности применяя метод фотографии. При проведении интервью с вернувшимися домой солдатами я также использовала метод фотографии.

На основании работ А.Шюца после вопроса “Что для Вас означает дом?” в ходе интервью был задан вопрос: “И вот, Вы вернулись домой... Вспомните, пожалуйста, и опишите максимально подробно свои ощущения первых дней”. Этот вопрос оказался более стимулирующим нарратив, причем в обоих интервью дал возможность уловить ключевые сходства и различия восприятия возвращения домой. Заслуживает внимания сходство в структуре нарратива при ответе на вопрос о возвращении домой: сначала описание рефлексии перед возвращением домой, которое в обоих интервью можно охарактеризовать как ответ самому себе на вопросы о том, нужен ли он еще в АТО и может ли быть полезен, остаться ли служить в армии или в связанных с ней структурах, вернувшись домой, оба упоминают накопившийся негатив и желание вернуться домой¹, а затем уже переходят к описанию своих ощущений собственно от дома и по возвращению в него (ниже представлены фрагменты интервью о повседневных ощущениях от восприятия дома)². Отличие же при ответе на данный вопрос состояло прежде всего в том, что, описывая возвращение домой, каждый, исходя из своей биографической ситуации, по-разному отвечает на вопросы о том, вернулся ли он окончательно и где он может быть полезней — дома или снова в АТО.

Рассмотрим фрагмент из интервью 1, поскольку он передает ряд разноплановых моментов, связанных с возвращением домой, в том числе отображающих систему релевантности и переход от одних повседневных практик к другим:

“Интервьюер: Ну, вот, Вы вернулись... Опишите, пожалуйста, свои ощущения в первые дни, уже дома.

Интервьюируемый: У меня было... Я кайфовал от комфорта. Я... сюда приехал, здесь все было заставлено мебелью, перевезенной из той квартиры. Здесь не был закончен ремонт. Здесь очень много было чего еще доделывать. И, несмотря на это, просто мне так было удобно все, комфортно. Я мог принять душ, я мог посидеть на унитазах. Это такая радость! Просто невероятно! Вот. Я кайфовал от комфорта, я получал удовольствие от уединения... Там... там надо было уметь, чтобы типа скрыться куда-то, чтобы тебя ни-

---

¹ Во втором интервью было такое развернутое описание своих ощущений в армии перед возвращением, что можно было предположить, что интервьюируемый забыл, что вопрос был о том, что он ощущал, когда вернулся домой, и не ответил без напоминания. Однако он не забыл и сам перешел к ответу на заданный вопрос после этого развернутого описания.

² Причем в первом интервью было столько бытовых подробностей по поводу элементов комфорта, которыми можно было насладиться, вернувшись домой, что это косвенно раскрывало то, чего именно из организации домашнего быта особенно не хватало в армии. И это позволяло отчасти составить представление о повседневных практиках в армии. Отсюда при проведении второго интервью был введен дополнительный блок вопросов по повседневным практикам в армии, в том числе связанным с “телесностью”.

кто не трогал. Это прямо надо было уметь... А, я помню, что я вот... у меня было какое-то освобождение от того, что я что-то кому-то должен. Вот... Я перестал заниматься спортом, хотя я в армии, вот, вообще... в очень крутой форме был... Не тянуло как-то... С одной стороны, я хотел, типа: вот сейчас мы начнем с друзьями гульбасить. Я раз, два раза с ними встретился — и все, мне надоело. Потому что как-то... не получаю удовольствия... Я понял, что у меня нет с ними тем для разговора... И говорить про войну я с ними не хотел, и, в принципе, я не люблю про это говорить. Не потому, что там какие-то воспоминания... Я знаю, что я вот хвастун, и я не хочу этим хвастаться. Вот... Что еще? Вот когда я сюда приехал, ну, облегчение... Облегчение, что никому ничего не должен. Наверное, это самая главная эмоция была, которая... Ну, и у меня было дикое желание начать помогать маме как-то, потому что... мама осталась без папы... Папа был весьма авторитарен. И маме очень тяжело... Мне очень было интересно, как мама это все переживает, как я могу ей помочь. Вот... Как-то хотелось во все включиться и продолжать быть полезным” (интервью 1, мужчина, 1985 г.р., служил артиллеристом-наводчиком установки ГРАД).

Основные темы, которые можно выделить в данном фрагменте интервью 1 — “кайфовал от комфорта” (с указанием конкретных деталей), желанная возможность уединения (с указанием, что это было затруднительно в армии), также “было какое-то освобождение от того, что я что-то кому-то должен”, одновременно отмечается отсутствие общих тем с друзьями (что косвенно показывает возникшее несовпадение систем релевантности). И самое главное, интервьюируемый отмечает, что “как-то хотелось включиться и продолжать быть полезным”, хотелось помогать маме, которая потеряла своего мужа (отца солдата), когда он был в АТО. Он приезжал на похороны, а теперь возвращался, думая о том, как он может помочь маме, это было для него релевантно, и, на мой взгляд, желание помочь маме, которая в этом нуждалась, влияло на то, что он чувствовал себя полезным, а в дальнейшем и окончательно вернувшимся. Это основной момент, контрастирующий со вторым интервью — интервью с другим солдатом, который чувствует, что он так и не вернулся, и сам говорит об этом следующим образом: “...В общем, если, вот, в начале, когда я уходил на дембель, у меня было чёткое ощущение того, что я не собираюсь возвращаться, то, вот, с прошествием времени почему-то я по себе замечаю, что нет, я всё-таки туда вернусь, я там не закончил, я там нужен, мои навыки всё-таки чего-то стоят — и потраченных времени, ресурсов, всё остальное... Я там больше полезен” (интервью 2, мужчина, 1979 г.р., служил снайпером-разведчиком). Сравнение этих двух ключевых фрагментов показывает влияние биографически детерминированной ситуации на изменения системы релевантности. В соотношении с текстами интервью в целом следует отметить, что в случае интервью 2 большее влияние оказал экстремальный опыт, связанный с потерей близкого друга во время службы в АТО, — как рассказывает интервьюируемый, его друг погиб, подорвавшись на фугасе. Можно предположить, что эти экстремальные переживания во многом повлияли на изменения его системы релевантности и желание вернуться снова в зону АТО, и следует напомнить, что уже после интервью он реализовал эти планы. Однако биографические детерминанты поведения в ситуации возвращения домой требуют дополнительного анализа и проверки построенных на основе анализа текстов гипотез

тез (это является темой отдельной публикации и не может быть представлено в данной статье).

Исходя из ключевых идей социологии повседневности, далее при проведении интервью был задан также вопрос о том, что было непривычным, необычным, что бросилось в глаза в первую очередь по возвращении. Здесь ключевым моментом для такой формулировки вопроса в ходе интервью было то, что, согласно социологии повседневности, солдат, опривычивший повседневность армии, после возвращения домой должен заново опривычить повседневность мирной жизни, которая раньше для него была привычной и непроблематичной, а теперь он имеет взгляд “чужака” на привычную ранее повседневность. Ответы были информативными и находились в созвучии с ключевыми идеями А.Шюца. Ответы на вопросы из интервью 1 (солдат, который через какое-то время по возвращении успешно адаптировался и вернулся к прежней мирной профессии) содержали много интересных с точки зрения социологии повседневности бытовых деталей, касающихся и речевых особенностей, и бытового комфорта, и телесных практик, которые пришлось заново опривычить в мирной жизни, чтобы повседневность снова стала “непроблематичной”. Объем статьи не позволяет проиллюстрировать это фрагментами интервью, отмечу лишь, что формулировка вопросов о том, что показалось непривычным дома, сработала и позволила получить ответы, наполненные деталями и сравнениями повседневных практик в армии и по возвращении домой.

Рассмотрим подробнее фрагменты из интервью 2 (солдата, который чувствует, что он так и не вернулся), касающиеся вопросов о возвращении домой, поскольку они раскрывают некоторые из моментов, связанных со сложностью адаптации к мирной жизни:

“Интервьюер: *Опишите, пожалуйста, что по возвращении домой для Вас было непривычным?...*

Интервьюируемый: *Ой, первое время — люди.*

Интервьюер: *Люди?*

Интервьюируемый: *Люди... Ну, скажем так: был дикий дискомфорт от большого количества людей. Там, там просто уже, там... глаз натренированный. И каждое движение, там, боковым зрением отличаешь, там людей очень мало. Вот... И когда, там, продвигаешься по территории, не важно, заселённой или не заселённой, там каждый человек — это, не то, чтобы редкость, но... Людей мало, вот, они сами даже стараются не появляться на открытой местности. Вот. А когда приезжаешь сюда — здесь очень много людей. Поначалу, тоже, особенно, когда в первый раз в отпуск приехал, впал в такую лёгкую панику. Люди, люди, люди, люди... То есть это вызывало такое, ну... ощущение тревоги. Но потом постепенно это прошло, но, собственно, всё равно стараюсь так не... [небольшая пауза] не окружать себя большим количеством людей. Что ещё... [Пауза.] Очень удивили цены...” (интервью 2, мужчина, 1979 г.р., служил снайпером-разведчиком).*

Как видно из приведенного выше фрагмента, интервьюируемый говорит о том, что непривычно много людей, что обусловлено отчасти спецификой военной профессии и рода службы, и это оказывает влияние на особенности адаптации к повседневной жизни. Фиксируя это, можно заметить отображение в тексте интервью рефлексии по поводу процесса опривычивания повседневности при переходе от повседневной жизни в АТО к по-

вседневности мирной жизни. Когда же интервьюируемый говорит о ценах, срабатывают фоновые ожидания — увидеть повседневность такой, какой он ее оставил, и здесь доминирующим моментом является не изменение системы релевантности, а именно фоновые ожидания.

Еще один момент по возвращении, который отметил интервьюируемый, — это описание попытки вернуться к прежней профессии мирной жизни (до ухода добровольцем на службу в зоне АТО солдат работал программистом в IT-компаниях): *“А, ещё момент такой, ну опять же, если продолжат тему, что не вернулся... Я, когда вернулся на работу, то не смог полностью уйти... Ну... Работа программиста включает в себя тот фактор, что должен на определённый промежуток времени погружаться в проект, вникать в него, там, особенно на начальном этапе. Когда вернулся, в общем-то, я не смог заставить себя погрузиться в проект. Вот. Всё равно он у меня был, там, если не на втором, то на третьем плане. Вот, первоначально все задачи были вот там — приходил на работу: первое дело — новости, потом — почта, а потом только работа”* (интервью 2, мужчина, 1979 г.р., служил снайпером-разведчиком).

Отвечая на вопрос о возвращении домой, интервьюируемый далее рефлексировал насчет изменения его системы ценностей, что дает нам информацию и об изменении системы релевантности: *“Если, там, сравнивать приоритеты — жизненные приоритеты, то есть до войны и после... Если до войны как-то рассматривался вариант карьеры... там, развитие карьеры, какие-то там личностные планы, финансовая составляющая, улучшение там финансовой составляющей, то после АТО система ценностей коренным образом поменялась, вот... Финансы, личностные блага отошли на второй, третий план. Больше начали цениться такие вот... домашний уют, спокойствие, крыша над головой...”* (интервью 2, мужчина, 1979 г.р., служил снайпером-разведчиком). Как видно из данного фрагмента, здесь тему дома и его значимости, релевантности затрагивает уже сам интервьюируемый. Дальнейшие размышления вернувшегося солдата также отображают изменения системы релевантности под воздействием пережитого опыта: *“...Точно так же по людям. Если я раньше, скажем так, оценивал людей относительно того, что они добились, вот, за свою, там, жизнь, карьеру и так далее, то сейчас я оцениваю немножко другими критериями. Уже смотрю, что они говорят, что делают, уже не важно, во что он одет, на чём он ездит, сколько он зарабатывает... Мне больше важно то, чем он живёт, чем он дышит. Больше уделяю внимания его словам, особенно таким... небрежно оброненным. Больше внимания уделяю эмоциям, мимике, жестам, но это, опять же, издержки профессии”* (интервью 2, мужчина, 1979 г.р., служил снайпером-разведчиком).

Как показывает анализ текстов интервью, один из наиболее важных факторов, влияющих на адаптацию по возвращении домой — изменение системы релевантности, что в полной мере созвучно идеям А.Шюца.

Следующий блок вопросов был связан с тем, были ли конфликты по возвращении домой, а если были, то какие именно. Формулировки этого блока были максимально “мягкими” и вытекали из предшествующих нарративов, что позволило солдатам вспомнить и описать некоторые из ситуаций с минимальным влиянием интервьюера.

Таким образом, анализ текстов интервью дает возможность изучить особенности случаев адаптации солдат, возвращающихся домой, каждый из

которых является уникальным и требует глубинного погружения и изучения, но одновременно — через сходные характеристики — отображает доминирующее влияние изменений системы релевантности и биографических ситуаций. Но, кроме того, целесообразно посмотреть на полученный материал с точки зрения проблем и возможностей социологического измерения особенностей адаптации солдата, возвращающегося домой: как можно оптимизировать подход к измерению такой сложной темы, связанной с переживанием экстремального опыта, и что дает обращение к изучению проблемы дома в русле социологии повседневности А.Шюца.

Как показывает представленный вариант применения и развития идей А.Шюца к эмпирическому исследованию проблемы солдата, возвращающегося домой в современной Украине, эти идеи несут значительный эвристический потенциал, и целесообразно использовать методологические находки, изложенные в его очерках “Возвращающийся домой” и “Чужой: социально-психологический опыт”. Ряд из его идей нуждаются в адаптации с учетом как реалий XXI века, так и специфики случая украинского солдата, что связано, прежде всего, с различием образов конфликта. Следует также отметить, что различие образов конфликта в ходе исследования можно было зафиксировать в большей мере при фиксации этнографических замечаний в процессе реализации исследования и обсуждения этих тем на повседневном уровне (не с интервьюируемыми) и в меньшей мере — в процессе проведения интервью. Оказалось, что даже наименование этой темы и некоторых ключевых моментов исследования может вписываться в “лингвоконфликтологические эксперименты гарфинкелевского рода” (подробней о таких экспериментах см., напр.: [Даниленко, 2009]), что позволяет получить нарратив, отображающий различные образы конфликтов. Это говорит о целесообразности дальнейшей реализации исследования на стыке социологии конфликта и социологии повседневности с учетом возможностей синтеза различных тактик (кейс-стади и биографический метод дополнять историей семьи и этнографическим методом), базируясь на конфликтологической интерпретации идей А.Шюца применительно к исследованию проблемы солдата, возвращающегося домой.

Таким образом, анализ текстов интервью с солдатами, возвращающимися домой из зоны АТО, а также рефлексия по поводу исследовательского процесса позволяют сделать вывод о том, что идеи А.Шюца о “возвращающемся домой” не утратили своей актуальности, но должны быть переосмыслены с учетом, *во-первых*, характеристик современного общества, связанных с влиянием информационных технологий и развитием средств коммуникации на трансформацию повседневных практик; *во-вторых*, украинского контекста; *в-третьих*, развития качественных методов социологии, особенно биографического метода и этнографического подхода, а также синтеза различных тактик.

Из анализа интервью также следует, что вопросы о доме и возвращении домой позволяют выйти на измерение особенностей повседневного жизненного мира солдата, вернувшегося домой, в том числе на характеристики изменений его системы релевантности, что является одним из наиболее существенных факторов адаптации демобилизованного солдата к мирной жизни.

Источники

Даниленко, О. А. (2007). Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории — к формированию социокультурных идентичностей. Вильнюс: Изд-во Европейского гуманитарного университета.

Даниленко, О. А. (2009). Лингвоконфликтологические эксперименты гарфинкелевского рода в социологии. *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*, 15, 183–186.

Даниленко, О. А. (2013). Жизненный мир и социокультурные идентичности инженеров-мигрантов из постсоветских стран в Германию: постановка проблемы. *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологія*, 4, 87–91.

Даниленко, О. А. (2014). Аналитическая модель конфликта и образ конфликта: между системой и субъектом. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи*, 1101, 30–34.

Даниленко, О. А. (2015). Возвращающийся домой в современной Украине: постановка проблемы. *Український соціологічний журнал*, 1–2, 28–33.

Рождественская, Е. Ю. (2012). *Биографический метод в социологии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Шютц, А. (2003). Возвращающийся домой. В А. Шютц *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* (с. 207–221). Москва: Институт фонда “Общественное мнение”.

Шютц, А. (2004). Возвращающийся домой. *Избранное: мир, светящийся смыслом* (с. 550–556.). Москва: РОССПЭН.

Bosch, A. (2010). *Konsum und Exklusion. Eine Kulturosoziologie der Dinge*. Bielefeld: Transcript Verlag.

Rosenthal, G. (2005). *Interpretative Sozialforschung. Eine Einführung*. Weinheim, München: Juventa Verlag.

Schuetz, A. (1944). The Stranger: an Essay in Social Psychology. *American Journal of Sociology*, 49(6), 499–507.

Schuetz, A. (1945). The Homecomer. *American Journal of Sociology*, 50(5), 369–376.

Schütz, A. (1972). Der Heimkehrer. *Gesammelte Aufsätze; II: Studien zur soziologischen Theorie*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 71–84.

Получено 20.10.2017

References

Bosch, A. (2010). *Konsum und Exklusion. Eine Kulturosoziologie der Dinge*. Bielefeld: Transcript Verlag.

Danilenko, O. A. (2007). The Language of Conflict in a Transforming Society: From Constructing History to Shaping Sociocultural Identities. [In Russian]. Vilnius: European Humanities University Press. [= Даниленко 2007]

Danilenko, O. A. (2009). Garfinkelian Linguo-Conflictological Experiments in Sociology. [In Russian]. *Methodology, Theory and Practice of Sociological Analysis of the Present-Day Society*, 15, 183–186. [= Даниленко 2009]

Danilenko, O. A. (2013). Life-World and Sociocultural Identities of Engineers Migrating from Post-Soviet States to Germany: A Problem Statement. [In Russian]. *Bulletin of the Taras Shevchenko National University of Kyiv. Sociology*, 4, 87–91. [= Даниленко 2013]

Danilenko, O. A. (2014). An Analytical Model of a Conflict and Representation of the Conflict: Between the System and a Subject. [In Russian]. *Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. Sociological Research of the Present-Day Society; Methodology, Theory, Methods*, 1101, 30–34. [= Даниленко 2014]

Danilenko, O. A. (2015). The Homecomer in Today's Ukraine: A Problem Statement. [In Russian]. *Ukrainian Sociological Journal*, 1–2, 28–33. [= Даниленко 2015]

Rosenthal, G. (2005). *Interpretative Sozialforschung. Eine Einführung*. Weinheim, München: Juventa Verlag.

Rozhdestvenskaia, Ye., Yu. (2012). *The Biographical Method in Sociology*. [In Russian]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. [= Рождественская 2012]

Schuetz, A. (1944). The Stranger: An Essay in Social Psychology. *American Journal of Sociology*, 49(6), 499–507.

Schuetz, A. (1945). The Homecomer. *American Journal of Sociology*, 50(5), 369–376.

Schütz, A. (1972). Der Heimkehrer. *Gesammelte Aufsätze; II: Studien zur soziologischen Theorie*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 71–84.

Schuetz, A. (2003). The Homecomer [In Russian]. In A. Schuetz *The Meaning Structure of Daily Life: Essays in Phenomenological Sociology* (pp. 207–221). Moscow: Institute of Public Opinion Foundation. [= Шюц 2003]

Schuetz, A. (2004). The Homecomer. [In Russian]. *Selected Papers: The World Luminous by Meaning* (pp. 550–556.). Moscow: Russian Political Encyclopedia Press. [= Шюц 2004]

Received 20.10.2017